

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

1959, том XVIII, вып. 4

июль — август

В связи с дискуссией по проблемам взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур, которая намечается в Институте мировой литературы Академии наук СССР в сентябре этого года, журнал публикует в порядке обсуждения доклад академика Н. И. Конрада «Проблемы современного сравнительного литературоведения», прочитанный на общем собрании Отделения литературы и языка АН СССР 26 марта с. г., и статью доктора филол. наук Р. М. Самарина «Современное состояние сравнительного литературоведения в некоторых зарубежных странах».

Н. И. КОНРАД

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО СРАВНИТЕЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

К ДИСКУССИИ О ВЗАИМОСВЯЗИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР

1

Уже давно мир литературы современных культурных стран, во всяком случае стран Европы, складывается из двух элементов: из произведений, появившихся в данной стране, и произведений, перенесенных в эту страну из литературы других стран. Уже давно повелось, что подлинно значительные произведения какой-либо литературы быстро проникают в литературный мир другой страны и в какой-то мере становятся принадлежностью литературы этой страны. Проникает при этом, разумеется, в первую очередь то, что вызывает особое внимание в данной стране, что нужно и важно для литературной действительности этой страны, для ее общественной мысли, или же то, что помогает лучше понять состояние литературы и общественной мысли страны, где данное произведение появилось. Однако часто переходит и то, что имеет у себя лишь кратковременный, но шумный успех; переходит нередко вообще все сколько-нибудь заметное в текущей литературе.

Роль такой чужой литературы в стране, куда она систематически проникает, бывает временами очень велика. Бывают случаи, когда какое-либо произведение чужой литературы привлекает большее внимание в данной стране, чем что-либо из появившегося в своей литературе, и оказывает немалое влияние и на свою литературу, и на общественную мысль.

В последнее полу столетие такая картина стала наблюдаться не только в литературном мире Европы. Сказанное можно полностью применить, например, к Японии. О Японии можно сказать, пожалуй, даже большее: в ее литературном мире наличествует в переводах не только вся классическая литература Европы и Китая, не только все значительное, что появилось в литературах стран Европы и Америки в XX в., но и почти все, обратившее на себя внимание в текущей литературе других стран. В литературном мире современного Китая весьма ощутимо — и по числу переводов, и по общественному значению — присутствие русской советской литературы. Словом, в последнее полу столетие процесс проникнове-

ния литературы одних стран в мир литературы других стран в той или иной степени охватил буквально все культурное человечество. И процесс этот неуклонно развивается и дальше — и по своему масштабу, и по своей интенсивности, и по своему общественному значению.

Он очень сложен, этот процесс, в нем много противоречий, столкновений, но он идет, и одна из важнейших задач современного литературоведения — следить за ним и его изучать. Дело идет ведь о важнейшем явлении: о структуре литературы в каждой отдельной стране и о структуре мировой литературы.

Главным орудием проникновения одной литературы в другую является, конечно, перевод. Но переводчик — далеко не только «посредник». Воссоздание на своем языке литературного произведения, написанного на другом языке, всегда есть акт творчества. Появление перевода представляет в той или иной степени обогащение собственной литературы. Литературное произведение возникает в орбите своего языка, неотрывно от него; уже само появление произведения другой литературы на языке данной страны вводит это произведение в орбиту литературы этой страны. Поэтому деятелями литературы в каждой стране являются не только писатели, но и переводчики.

Наряду с этим необходимо учитывать, что в ряде случаев для проникновения одной литературы в мир другой литературы перевода не требуется. Перевод не нужен читателям Англии, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южно-Африканского Союза, Соединенных Штатов Америки для того, чтобы читать произведения, появившиеся во всех этих странах. Читатели в Испании и во всех странах Центральной и Южной Америки, кроме Бразилии, не нуждаются в переводе, чтобы читать литературные произведения, созданные писателями этих стран. Читатели Португалии и Бразилии читают в оригинале произведения, появившиеся в обеих странах. Представители образованных слоев индийского общества могут читать без перевода литературу на английском языке, где бы она ни появилась. Многие читатели Турции, арабских стран, Индо-Китая не нуждаются в переводе для того, чтобы знакомиться с произведениями, написанными на французском языке. Читатели Скандинавских стран в своей большей части читают немецкую литературу в оригинале. Все большее число французов читает произведения, написанные на английском языке, без перевода; то же можно сказать об англичанах по отношению к французской литературе. Все больше становится читателей в народно-демократических странах, для которых доступна без перевода литература на русском языке. Иначе говоря, литература какой-либо страны становится достоянием литературы других стран и благодаря переводам и без них, в последнем случае — вследствие либо одноязычия населения этих стран, либо чрезвычайного распространения в данной стране знания определенного иностранного языка.

Если учесть масштаб этого явления, становится ясным общемировой характер взаимопроникновения литератур, иначе говоря — международных литературных связей. Поэтому в наше время одной из насущнейших задач литературоведения и становится изучение таких связей.

Мы живем в век национальных литератур. Конечно, термин «национальная литература» следует понимать в общественно-историческом смысле как обозначение определенного общественного качества литературы. «Национальная литература» в этом смысле есть та литература данного народа, которая возникает у него, когда он сам, этот народ, достигает в своем историческом развитии уровня нации — в марксистском понимании этой общественной категории. При этом на наших глазах продолжается существование национальных литератур уже так сказать «старых», высокоразвитых; таковы, например, литературы большинства европейских народов; наряду с ними мы видим национальные литературы еще «молодые», т. е. сформировавшиеся как национальные сравнительно недавно; таковы, на-

пример, литературы грузинская, армянская, японская, турецкая, персидская; видим литературы, еще продолжающие формироваться как национальные; такую картину мы наблюдаем даже у очень древних, но до последнего времени по тем или иным причинам отстававших в своем общественном развитии народов, как китайский народ, народы Индии; на наших глазах складываются национальные литературы у тюркских народов Советского Востока, у народов арабского мира, Индонезии, Индо-Китая.

Эти явления крайне важны. Они свидетельствуют о том, что эпоха, когда мир национальных литератур ограничивался рамками одной Европы, ушла в прошлое. В наше время национальные литературы — на той или иной ступени своего развития — принадлежность всех культурных народов мира. Это одно из замечательных последствий всемирно-исторического процесса крушения мировой капиталистической системы, поставившей большое число стран, в том числе и стран древней культуры, на положение колоний, полукolonий или стран, экономически и политически зависимых от главнейших капиталистических государств. Это задерживало экономическое и социальное развитие данных стран и вместе с тем и их национальное развитие. Теперь система колониализма рухнула, и это уже повлияло на ускорение национального развития бывших колоний и полукolonий и на структуру их литературы, а вместе с тем и на структуру мировой литературы в целом.

Наблюдается и другое явление. Ранее, когда шла речь о национальных литературах, разумелись литературы буржуазных наций; ныне мы можем говорить также и о литературах социалистических наций, причем оказалось, что проходить все этапы исторического развития для национальных литератур не обязательно. Если современная русская литература стала литературой социалистической нации, имея за собой большую и славную историю, как литература буржуазной нации, то многие современные советские литературы, например: узбекская, казахская, азербайджанская, развиваются как литературы социалистических наций, являясь в прошлом литературами, характерными для этапа народности, максимум — с зачатками раннего буржуазного «просветительства».

Нет и равномерности в темпах развития. Японская национальная литература прошла через все «классические» этапы буржуазной литературы, если считать «классическим» путь, проделанный литературами Англии, Франции и других народов Европы, т. е. путь классицизма, романтизма, реализма, натурализма, символизма; только французской литературе для этого понадобилось целое столетие — весь XIX век, японской же не более 40 лет — с 70-х годов XIX в. по 10-е годы XX в. Литература Китая, до начала XX в. не выходящая за рамки своей «эпохи Просвещения», т. е. развивавшаяся как ранняя буржуазная, еще в условиях феодализма, с 20-х годов XX в. стала приближаться к типу литературы социалистической нации, а с победой Народной революции и укрепилась в этом своем историческом качестве. С особой быстротой развиваются литературы народов Советского Востока. Путь от Абая до «Пути Абая» — от песенной поэзии до современного романа, расстояние для других литератур огромное, казахская литература проделала за каких-нибудь полвека.

Убыстренность темпа может иметь, однако, двойные последствия. С одной стороны, она может подвести отставшую ранее литературу к развитым литературам других народов, но, с другой стороны, она может усиливать различие в уровнях этих литератур. Так, в Турции есть своя литература романтизма, реализма, но произведений, которые могли бы войти в литературу мирового романтизма и реализма на тех же правах, как, например, произведения Гюго и Бальзака, в турецкой литературе отыскать нельзя. Нельзя найти такие произведения и в литературах других ранее отстававших народов. Бывают, правда, явления, подобные творчеству Рабиндраната Тагора, но они составляют исключение. Поэтому,

если взять, например, литературу реализма нового времени в мировом масштабе, то — при идентичности художественного метода — мы увидим крупные различия, обусловленные не только национальным своеобразием отдельных литератур, но и их идейным и художественным уровнем.

Понять эту сложную картину в каждом отдельном случае можно только в свете мирового литературного процесса, при учете межлитературных связей. Нельзя уяснить себе, например, историю новой японской литературы, не учитывая связи этой литературы с литературами русской, французской, английской, в меньшей степени — немецкой. Ни одна работа японских исследователей истории своей литературы не проходит мимо этих связей; существуют специальные исследования, раскрывающие значение той или иной литературы для формирования отдельных направлений японской литературы, для творческого пути отдельных писателей, для процесса создания того или иного произведения. Невозможно полностью уяснить себе развитие литературы Народного Китая без учета значения для нее творческого опыта русской советской литературы. Тесно связаны друг с другом новые литературы Англии, Франции, Италии, Германии, Испании, Скандинавских стран. Связана с литературами народов Европы и русская классическая литература. В сущности, в новое время все литературы современных культурных народов так или иначе связаны друг с другом, и их развитие происходило и происходит в обстановке этих связей. Это обстоятельство не только не исключает самостоятельности каждой национальной литературы, но, наоборот, делает ее национальное своеобразие даже более рельефным.

Эти же условия создают и почву для возникновения некоторых литературных общностей — общностей направления, идейного содержания, творческого метода. Пример общности показывают литературы народов Советского Союза как литературы социалистического реализма. Известную общность — на основе близости или даже единства многих направлений — демонстрируют литературы капиталистических стран Западной Европы и Америки.

Литературная общность может создаваться и на почве общности исторических судеб и задач. Так, литературы, развивающиеся у разных народов Индии и в арабском мире, объединяются в некую совокупность, которую можно назвать «литературой национального возрождения». Наше время — эпоха национальных литератур, но вместе с тем и эпоха литературных общностей. А так как национальные литературы развиваются в обстановке интенсивных и разнообразных международных литературных связей, в этой же обстановке создаются и литературные общности. Вследствие этого изучение мировых межлитературных связей приобретает еще более важное значение.

Обрисованная картина современного состояния мировой литературы требует пристального внимания к вопросам сравнительного литературоведения.

Под сравнительным литературоведением можно понимать многое. Под ним можно разуметь изучение двух или нескольких отдельных литератур при наличии между ними в прошлом исторической общности. В таком случае дело сводится к изучению процесса выделения из прежней общности отдельных литератур, формирования их в качестве самостоятельных явлений. Так может быть, например, поставлено изучение процесса образования национальных литератур двух иранских народов — персидского и таджикского.

Под сравнительным литературоведением может разуметься, далее, сравнительно-типологическое изучение явлений, возникших в литературах разных народов. Это изучение может касаться явлений, возникших в составе известной исторической общности. Так может быть поставлено изучение литературы классического реализма XIX в. При таком изучении в сравнительно-типологическом аспекте сопоставляются литературы Фран-

ции, Англии, России и других стран Европы и даже некоторых стран Азии. Итогом исследования в этом случае может быть, во-первых, лучшее понимание сущности реализма как творческого метода во всей его сложной природе; во-вторых, раскрытие разновидностей реализма, возникших в литературах стран, входивших в данную литературную общность.

В сравнительно-типологическом плане могут изучаться и явления, возникшие в разных литературах вне какой бы то ни было исторической общности, при отсутствии всякой связи между ними, даже явления, возникшие в разное историческое время. Так может быть поставлено, например, сравнительное изучение житийной литературы, возникшей у народов Европы в русле христианства, у народов Азии в русле буддизма. Задачей изучения в таком случае может быть анализ каждого из этих явлений — более полный при сопоставлении их друг с другом, чем при изолированном изучении.

Задачей сравнительно-типологического изучения может быть и открытие самой типологической общности явлений, возникших независимо друг от друга. Например, может быть, как мне кажется, доказано типологическое сродство рыцарского романа западноевропейских литератур и «воинских эпопей» (гунки) японской литературы, европейского сатирического романа эпохи Просвещения и китайского обличительного романа XIX в.

Под сравнительным литературоведением можно понимать, наконец, и изучение связей между литературами разных народов. Задачей в этом случае является, во-первых, обнаружение самих связей, выяснение их исторических причин, их характера, путей, средств; во-вторых, раскрытие последствий этих связей как для отдельных литератур, так и для всей совокупности литератур, охваченных ими. Обрисованная выше картина мировой литературной действительности побуждает к организации сравнительно-исторических изучений прежде всего в последнем смысле. По этой причине нам необходимо обратиться к тому, чем мы уже располагаем в этой области в современной науке о литературе.

2

Хорошо известно, что именно в последнем из рассмотренных выше направлений развивается в последнее полустолетие сравнительное литературоведение на Западе. В разных странах оно фигурирует под разными наименованиями: французы говорят о *littérature comparée*; то же обозначение на своем языке — *comparative literature* — применяют англичане и американцы; на своем языке — *хикаку бунгаку* — японцы; немцы пользуются старым термином «*Vergleichende Literaturgeschichte*». В каждой стране, даже у отдельных авторов, особенно в зависимости от объекта исследования, сравнительное литературоведение имеет некоторые особенности: черты *Stoffgeschichte* у немецких исследователей и у французских, когда последние изучают явления, обозначаемые ими словами *thèmes, types, mythes, légendes*; черты *Allgemeine Literaturgeschichte* у американских литературоведов. Черты различия, несомненно, существуют, но все же в целом это направление имеет общую специфику, делающую его явлением новым в общей истории сравнительного литературоведения. Явственнее всего такая специфика обнаруживается в работах французских исследователей, которые вообще заложили основы всего современного западноевропейского и американского сравнительного литературоведения. Поэтому к ним и надлежит обращаться в первую очередь¹.

¹ Наиболее компактное изложение истории, теоретических позиций и методов исследования французского сравнительного литературоведения см.: P. van Tieghem. *La littérature comparée*. Paris, 1931 (2-е изд.— 1946 г.); M.-F. Guyard. *La littérature comparée*. Avant-propos de J.-M. Carré, Paris, 1951; библиографию см.: F. Baldensperger, W. P. Friederich. *Bibliography of Comparative literature*. Chapel-hill, 1950.

Еще в 1890 г. Жозеф Текст, которого французы единодушно считают родоначальником «littérature comparée», определил «генеалогия» нового направления: «проложили нам путь», — сказал он — немцы — Георг Брандес, Макс Кох, Эрих Шмидт, англичанин — Познетт².

Истоки эти во многом различны. Брандес с его «Главнейшими течениями литературы XIX в.» — одно, Макс Кох с его журналом «Zeitschrift für Vergleichendes Literaturgeschichte» — нечто иное; своеобразное явление представляет и Познетт. Для концепции Брандеса самое важное — идея о том, что гений одного народа, «чтобы не заглохнуть», как он выражается, всегда нуждается в соприкосновении с гениями других народов, и это всегда дает ему новую силу для себя, для своего собственного развития³. Если просмотреть тома журнала, издававшегося в конце прошлого века под руководством Макса Коха, то, помимо очень определенных черт того, что немцы называют Stoffgeschichte, видно стремление как-то связать литературу разных народов обоюдными влияниями, заимствованиями. Для направления, представленного Познеттом, характерна ориентация на социологию XIX в., к ней он обращался для того, чтобы раскрыть общие черты литератур разных народов. Безусловно, литературоведы, названные Текстом, различны, но ориентация именно на них, а не на кого-либо другого, весьма показательна. Видно, что представители французского сравнительного литературоведения, зародившегося в конце прошлого столетия, хотели вступить на иной путь, чем тот, которым шли их предшественники.

Сущность этого нового пути сформулировал в 1924 г. Поль ван Тигем в своей работе «Преромантизм»: «Политическая история каждого народа в какую-либо эпоху его существования не может быть полностью понята вне общей истории той же эпохи, той части мира, к которой данная страна принадлежит... Так и литературная история каждой страны в каждый момент своего развития не может быть представлена полно и точно, если она не рассматривается как часть какого-то большого целого...». «Конечно, — добавляет П. ван Тигем, — каждая национальная литература имеет свои собственные традиции и — очень прочные. Эти традиции позволяют ей всегда сохранять свой собственный, индивидуальный облик; но каждая такая литература всегда встречается с новыми идеями и чувствами в искусстве, которые ее укрепляют, ее трансформируют. Изучение этих международных течений столь же необходимо, сколько и национальных традиций»⁴.

В 1931 г. в своей книге «La littérature comparée», являющейся, как известно, первой работой, в которой рассматривается история нового направления, формулируются его принципы, определяются его задачи, устанавливаются его методы, П. ван Тигем писал: «„La littérature comparée“ входит в состав истории каждой национальной литературы, раскрывая на каждом этапе развития последней связи этой литературы с литературами других народов. Тем самым la littérature comparée в сильнейшей степени повышает научную ценность историко-литературных исследований национальной литературы сравнительно с прежними исследованиями»⁵.

В этих словах П. ван Тигема важно подчеркивание того, что главное заключается в изучении национальных литератур, т. е. литератур отдельных народов. Один из представителей этого направления в Японии К. Накадзима, также подчеркивая, что речь идет именно об изучении своей литературы, настаивает на той мысли, что и сам

² Об этом см. P. van Tieghem. La littérature comparée (1931).

³ См. Г. Брандес. Литература XIX в. в ее главных течениях. Французская литература. Перев. Эл. Зауэр. СПб., 1895, стр. 1.

⁴ P. van Tieghem. Le Preromantisme. Etudes d'histoire littéraire européenne. Paris, 1924, стр. 9.

⁵ P. van Tieghem. La littérature comparée (1931).

исследователь принадлежит и должен принадлежать к лагерю исследователей именно своей литературы⁶.

Таковы свидетельства представителей современного сравнительного литературоведения, и эти свидетельства, а еще более — сами работы, выполненные в духе этой литературоведческой школы, показывают, что современный этап сравнительного литературоведения, действительно, сильно отличается от предшествующего.

Предшествующий этап датируется 30-ми годами XIX в., и его формирование было связано с чрезвычайным развитием этнографии. Этнография принесла с собой усиленное внимание к творчеству очень разных народов, в том числе, а, пожалуй, даже в особенности, тех народов, которые тогда стояли на относительно ранних ступенях общественного развития. Такое внимание породило стремление к выявлению как бы некоего фонда мировых, общечеловеческих тем, сюжетов и образов. В сущности, на этом этапе сравнительное литературоведение состояло в изучении формирования этих сюжетов и образов, их движения во времени и их проявления — прямо, непосредственно или косвенно, опосредствованно — в литературе разных народов, разных эпох. Как известно, развитие этого этапа сравнительного литературоведения связано с деятельностью Якоба Гримма, Боппа, Гастона Пари.

Из этого сопоставления видно, в чем именно заключается отличие современного сравнительного литературоведения от прежнего. Современное сравнительное литературоведение занимается изучением международных литературных связей — конкретных, исторических. Именно так сформулировал задачу сравнительного литературоведения в 1951 г. М.-Ф. Гюйяр в работе, озаглавленной «*La littérature comparée*»⁷ — так же, как в свое время назвал свою, аналогичную по замыслу, работу П. ван Тигем.

* * *

Если обратиться к огромной научной литературе, созданной представителями *littérature comparée*, окажется, что дело сводится преимущественно к раскрытию влияний — односторонних и обоюдных.

Среди множества работ, посвященных влиянию одной литературы на другую, по методике исследования показательны, как мне кажется, исследование Мэгрона «Исторический роман в эпоху романтизма»⁸ и Эггли «Шиллер и французский романтизм»⁹. Автор первой работы, проследившая возникновение исторического романа во Франции, показывает, какую роль сыграло в этом процессе творчество В. Скотта. Эта работа может служить примером того, как французские исследователи раскрывают влияние одной литературы на другую в области определенного жанра. Работа Эггли о Шиллере во Франции показывает, как ставят проблему влияния литературного явления одной страны на формирование направления в драматургии, а через последнюю — и в литературе в целом другой страны. Работа П. Азара «Великая французская революция и итальянская литература»¹⁰ показывает, как изучали французские литературоведы влияние литературы одной страны на литературу другой страны в целом.

Примером работы по изучению взаимовлияния двух литератур может служить исследование Эстева «Байрон и французский романтизм»¹¹. Автор сначала раскрывает те стороны творчества Байрона, которые развились у него под влиянием французов. Так, Эстев считает, что индивиду-

⁶ См. К. Накадзима. Хикаку-бунгаку-но иппи (в книге Хикаку-бунгаку дзё-сэцу. Токио, 1951, стр. 8).

⁷ См. M.-F. Guillard. *La littérature comparée* (1955), стр. 7.

⁸ См. L. Maigrón. *Le romane historique à l'époque romantique. Essay sur l'influence de Walter Scott*. 2-e éd., Paris, 1912.

⁹ См. E. Egli. *Schiller et le romantisme français*, 2 vol., 1927.

¹⁰ См. P. Hazard. *La Grande Révolution française et la littérature italienne*.

¹¹ См. E. Estève. *Byron et le romantisme français*. Paris, 1907; 2-e éd., 1929.

ализм и культ чувства в «Корсаре» во многом идет от «Новой Элоизы» Руссо; скепсис в «Дон-Жуане» в значительной мере создан под влиянием «Кандида» Вольтера; кое-что в мотиве «мировой скорби» в «Манфреде» и «Чайльд Гарольде» восходит к «Рене» Шатобриана. Однако эти элементы, возникшие в творчестве Байрона спонтанно, но окрепшие под влиянием французов, переплавились в глубоко индивидуальном творчестве английского поэта и в своем сложном переплетении приобрели новое художественное качество.

Получив так много от Франции, Байрон затем расплатился с ней. Его «Чайльд Гарольд», «Корсар» и «Манфред» помогли, по мнению Эстева, французам отойти от «Духа христианства» Шатобриана, этого знамени католической реакции и политического консерватизма 20-х годов, и снова сделать романтическую литературу выразительницей передовых идей и настроений эпохи. Байрон помог утверждению того, что называют левым, демократическим романтизмом.

Эти немногие примеры освещают основную идею представителей «*littérature comparée*» — необходимость для лучшего понимания явлений литературы своей страны учитывать связи этой литературы с литературами других стран. Но та же книга Эстева проливает свет и на то, как ведется работа по вскрытию общностей, охватывающих литературы нескольких стран.

Еще Поль ван Тигем обрисовал, что следует понимать под такими общностями: это — своего рода «царства» — *états*, но «царства» своеобразные: *états de sensibilité, états des idées littéraires...* — царства определенных чувств и идей, воплощенных в литературе, царства определенных тем, царства одних и тех же художественных форм. Исследователи таких «царств» открывают цепи фактов — то параллельных, то зависящих друг от друга; обнаруживают истоки, фиксируют рождения, прослеживают развитие, оценивают модификации, подмечают нюансы¹². Наиболее широкая по временному и пространственному охвату и отвечающая задачам раскрытия такой общности является, пожалуй, работа того же П. ван Тигема «История литературы в Европе и в Америке от Ренессанса до наших дней»¹³.

Все же в вопросе о литературных общностях наблюдается известная сдержанность, особенно в последние годы. Так, Ж.-М. Каррэ призывает исследователей к осторожности в обращении с такими понятиями, как гуманизм, классицизм, романтизм, реализм, символизм, когда ими хотят обозначать общность литератур нескольких народов. Он полагает, что соединение нескольких литератур под такими общими обозначениями может оказаться излишней систематизацией, вылиться в абстракцию, превратиться в голую номенклатуру¹⁴.

Помимо практической работы по исследованию конкретных проявлений межлитературных связей, представители французского сравнительного литературоведения разработали и теорию этого рода изучений. Наиболее интересным в их теоретических построениях, на мой взгляд, является предложенная ими концепция механизма литературного влияния.

В этом механизме они усматривают действие трех факторов: *émetteur, recepleur* и *transmetteur* — «дающий», «принимающий» и «передающий». Наряду с термином *transmetteur* встречается и термин *intermédiaire*. Особенно подробно разработан вопрос именно о последнем — проводнике или посреднике¹⁵.

Посредник может быть индивидуальный — лицо, человек; может быть и групповой — литературное объединение, журнал. Как на примеры инди-

¹² См. P. van Tieghem. *Le Prérromantisme*, стр. 12.

¹³ См. P. van Tieghem. *Histoire littéraire de l'Europe et de l'Amérique de la Renaissance jusque à nos jours*, 2-e éd., 1946.

¹⁴ См. его предисловие к книге M.-F. Guyard. *La littérature comparée*, стр. 6.

¹⁵ Об этом см. главным образом соответствующие разделы P. van Tieghem. *La littérature comparée* (1931).

видуального посредника указывают на Стендаля, лично осуществлявшего связь французской литературы с английской, на Ж. де-Сталь, открывшей французам своего времени Германию и немецкую литературу¹⁶. Примером группового посредника может служить группа «Плеяды», вовлекшая французскую литературу в орбиту литературы Ренессанса, сложившегося в Италии, в частности привившая французской поэзии итальянскую поэтическую форму — сонет. Ф. Балдансперже считал групповым посредником французскую эмиграцию времен Великой революции и отчасти Империи: рассеявшись по разным странам, французские эмигранты узнали жизнь и литературу Англии, Германии, Испании, Италии, России, Америки, и писатели из числа этих эмигрантов потом перенесли многое из узнаваемого в литературу своей родины¹⁷.

Особый раздел теории французского сравнительного литературоведения составляет учение о *succès, fortune, influence*. Под «успехом» разумеется степень значимости какого-либо явления одной литературы в литературе другой страны; под «судьбой» — история жизни данного литературного явления в другой стране; под «влиянием» — результат этой жизни.

Благодаря такой разработке теории и методики сравнительно-литературных исследований, а главным образом благодаря большому числу тщательно выполненных конкретных работ французское сравнительное литературоведение обеспечило себе ведущее положение во всем современном западном сравнительном литературоведении.

3

Как отнестись к этой работе? Мне кажется, она сама свидетельствует о себе.

Сравнительное литературоведение на современном этапе своей истории — детище XX в. Но литературная теория часто бывает своего рода «послесловием», т. е. относится к тому, что имело место раньше. Упомянутая работа П. ван Тигема указывает на самую отдаленную границу этого «раньше», эпоху Возрождения; подавляющая же часть исследований имеет своим объектом явления, возникшие в XVII—XIX вв.

Это сразу же выясняет суть дела.

Эпоха Возрождения — самая дальняя точка во времени, с которой можно начинать прослеживание процесса складывания национальных литератур современных европейских народов. XVII в. — время, когда уже явственно обнаружилось очертания таких литератур. XIX в. — эпоха грандиозного развития национальных литератур почти всех европейских народов, развития во всей своей классической форме. Вместе с тем с эпохи Возрождения начинают широко развиваться международные литературные связи; в XVII в. они принимают характер отношений между литературами национальными. В XIX в. межлитературные связи приобретают огромный размах.

Французские литературоведы учли этот двойной процесс и постарались его осознать в фактах и в теории. И сделали они в этой области очень много. Изучать историю европейских литератур XVII—XIX вв. без их работ невозможно.

Однако, исследуя этот процесс, необходимо дать себе отчет в его историческом существе, а в связи с этим — и в его подлинном масштабе. Существо процесса — складывание национальных литератур, т. е. литератур определенного общественно-исторического качества и определенной структуры. Масштаб — совокупность стран, составляющих систему мирового капитализма.

¹⁶ См. Comtesse Jean de Pange. M-me de Staël et la decouverte de l'Allemagne, 1929.

¹⁷ См. F. Baldensperger. Le mouvement des idées dans l'émigration française, 2 vol., 1925.

С XVII в. начинается складывание этой системы. Нидерландская революция второй половины XVI в. была первой в истории буржуазной революцией. За ней последовали такие же революции в Англии, Соединенных Штатах Америки, Франции. Для истории Европы наибольшее значение имела Французская буржуазная революция, для истории мира — нидерландская и английская. Голландцы первые стали распространять капиталистические отношения по всему свету, первые стали создавать колониальную систему на других основаниях, чем до них это делали португальцы и испанцы — страны чисто феодальные. Достаточно вспомнить деятельность основанной в 1602 г. голландской Ост-Индской компании, за которой тут же и теми же методами стали действовать английская и французская Ост-Индские компании. Эти компании были организациями уже чисто капиталистического типа.

Начавшийся в XVII в. процесс формирования мировой системы капитализма закончился в 40—50-х годах XIX в. Момент его окончания — «открытие дверей» в Китай и Японию¹⁸.

Конечно, страны, создававшие мировую систему капитализма, сами находились на разных уровнях капиталистического развития, что и отражалось на их положении в капиталистической системе. Другие страны были втянуты в эту систему еще на феодальном этапе своей истории, в лучшем случае — только при первоначальном развитии капиталистических отношений. В общей системе мирового капитализма такие страны заняли положение колоний, полуколоний или зависимых стран.

Складывавшаяся в течение XVII—XIX вв. мировая система капитализма влекла за собой развитие не только экономических, торговых связей, но и связей культурных, а с ними — и литературных, причем эти связи охватили весь мир. Хорошо известно, что в этот период литературы стран Запада стали проникать в Индию, Турцию, позднее — в Японию, Китай. Современные литературоведы стран Востока превосходно понимают значение этого факта, когда изучают историю своих литератур в указанный период¹⁹.

Но связи были обоюдными, а в работах западных литературоведов этот факт не учтен в надлежащей мере при анализе процесса развития литератур в указанные века. «Западно-восточный диван» Гёте известен и изучен, но оценен ли в достаточной мере самый факт обращения немецкого поэта к Востоку — не только в очень серьезный момент его собственной творческой биографии, но и в крайне важный момент всей истории новой европейской литературы — момент перехода от литературы эпохи Просвещения к литературе капиталистической эпохи? Хорошо известно, как внимательно ознакомился с поэтами Ближнего Востока В. Гюго, но оценено ли достаточным образом, что обращение к Востоку понадобилось французскому поэту в тот момент, когда он своими «Восточными стихотворениями» утверждал основы романтической поэзии во Франции? И не связано ли обращение Жуковского к Шах-наме и Махабхарата с аналогичным процессом в истории русской литературы? «Über die Sprache und Weisheit der Inder» Фридриха Шлегеля — важная веха в умственном развитии Германии, и не только ее одной. Подобных примеров можно привести много, и притом не только для XIX в., но и для XVIII и даже XVII вв., и все они свидетельствуют, что масштаб международных литературных связей вы-

¹⁸ Под «открытием дверей в Китай» следует понимать открытие Китаем, согласно Нанкинскому договору 1842 г., пяти портов для английской торговли (Кантон, Амой, Нинбо, Фучжоу, Шанхай); под «открытием дверей в Японию» понимается открытие Японией по договору в Канагава в 1854 г. портов Симода и Хакодатэ для американской торговли.

¹⁹ Особенно подробно эти вопросы изучены японскими литературоведами по отношению к японской литературе. См., например, коллективную работу «Хикаку-бунгаку. — Нихон-бунгаку-о тусин-то ситэ. («Сравнительная литература. — На основе японской литературы»). Токио, 1953, а также соответствующие разделы в «Нихон бунгакуси дзитэн» («Японская историко-литературная энциклопедия»). Токио, 1955.

ходил далеко за пределы Европы, что не только литературы Запаदा сыграли большую роль в истории литератур народов Востока в этот период, но и восточные литературы внесли свой вклад в историю развития европейской литературы. Представители современного сравнительного литературоведения на Западе этого не учли. Более того, они не охватили своими исследованиями и литературу стран Восточной Европы, в том числе и русской, отчего у них фактически получилась лишь одна часть общей картины — история литератур только народов Западной Европы в их взаимной связи. П. ван Тигем в указанной работе включил сюда и литературу Америки.

Поэтому первое, что надлежит сделать в области сравнительного литературоведения — даже во временных рамках, очерченных западноевропейскими исследователями, т. е. XVII—XIX вв.— решительно расширить пространственные границы, включив в орбиту изучения связи между литературами всего культурного человечества.

При изучении таких связей, а в более широком плане — взаимоотношений отдельных литератур следует принимать во внимание политические отношения между национальными государствами, уровни их культуры, сходства и различия в складах мышления, в мировоззрении, верованиях, образе жизни, даже во вкусах отдельных народов. Необходимо постоянно учитывать классовые отношения в каждой стране, политическую и идейную борьбу. Без этого невозможно понять подлинный характер взаимоотношений отдельных литератур.

Сводить в этих взаимоотношениях все к влиянию, конечно, нельзя. Под влиянием обычно подразумевают содействие, оказываемое чем-либо в литературе одного народа появлению или росту какого-нибудь явления в литературе другого народа. При этом влияние может быть односторонним и двухсторонним. Примером первого может служить роль, которую английский готический роман сыграл в формировании такого же жанра во французской литературе. Примером второго является влияние французской литературы эпохи Просвещения на складывание творческой индивидуальности Байрона и последовавшее затем влияние Байрона на французских романтиков. Но, как правильно указывает Ж.-М. Каррэ, — «*Qui dit influence, dit souvent interpretation, réaction, résistance, combat*»²⁰. Действительно, соприкосновение одной литературы с другой может приводить к своего рода «интерпретации» одной литературой каких-либо явлений другой литературы, к «откликам» на них; может приводить и к «сопротивлению», даже к «борьбе».

В самом деле, в романе Вл. Реймонта «Мужики», несомненно, сказывается знакомство автора с произведениями Золя. Но автор не подчинился французскому писателю, а вступил с ним в идейную борьбу, создав иную концепцию, чем у Золя. Книгу Токутоми Рока «Бормотание земляного червяка»²¹ вообще нельзя понять без учета значения для этого японского писателя его знакомства с произведениями, идеями и жизнью Л. Н. Толстого. Всецело подпав под влияние религиозно-правственных идей Толстого, Токутоми по возвращении из Ясной Поляны, где он побывал в 1906 г., решил зажить крестьянской жизнью: переселился в деревню, приписался к крестьянской общине, построил себе крестьянский домик, приобрел крохотный участок (около 0,15 га) земли, которую решил обрабатывать собственными руками и этим трудом жить. Однако его замечательная книга, в которой он с исключительной искренностью и прямоотой, с большой художественной силой описал свою «мужичью» жизнь, представляет собой настоящее развенчание идей Толстого: он показывает, как, пытаясь жить по заветам Толстого, он понял фальшь так называемого опрощения, искусственность своего «мужичьего» положения, ложность своего труда. Таким

²⁰ См. его предисловие к упомянутой работе M.-F. Guillard. *La littérature comparée*, стр. 6.

²¹ См. Токутоми Рока. *Мимидзу-но тавагото*. 1-е изд., 1913.

образом, книга Токутоми — при всем преклонении ее автора перед великим русским писателем — представляет собой непрерывную полемику с некоторыми взглядами и идеями последнего.

Это различное отношение деятелей одной литературы к фактам и явлениям другой объясняется многими причинами: разными классовыми позициями авторов, различием мировоззрения, особенностями творческих индивидуальностей, жизненного опыта. Литературные связи могут не только быть чрезвычайно различными по своему содержанию и характеру, но и приводить в каждой отдельной литературе к очень разным последствиям. Сложное соединение сил притяжения и отталкивания и составляет сущность взаимоотношений отдельных национальных литератур.

4

Вторая задача, стоящая перед современным сравнительным литературоведением, состоит в раздвижении временных границ исследования. Нужно включить в орбиту исследования и Средневековье.

То или иное по масштабу и значению общение между литературами отдельных народов существовало всегда. Существовало оно и в средние века. О многом мы уже знаем, но в последнее время открываются все новые факты, вносящие серьезные дополнения в ранее известную картину.

Один из таких фактов — открытие в пещерном монастыре Дуньхуана целой библиотеки. Монастырь этот, расположенный в северо-западном углу Ганьсу, одной из западных провинций Китая, когда-то стоял на перепутье между Китаем, Тибетом, Индией и «Западным краем», как в прежние времена называли китайцы земли Восточного Туркестана, Средней Азии, Афганистана. В дальнейшем эти пути потеряли свое значение, по району Дуньхуана прошли завоеватели, и когда-то цветущий и богатый монастырь заглох. Но в нем, в его пещерах все стены были покрыты фресками и не только на буддийские сюжеты, но и на мирские — вплоть до жанровых. Ныне эти пещеры — одна из мировых сокровищниц изобразительного искусства. В монастыре было собрано и множество рукописей и ксилографов. Монахи еще в XI в. замуровали входы в пещеры и строго хранили их тайны. Однако слухи о сокровищах Дуньхуана все же дошли до европейских ориенталистов и в начале XX в. туда стали направляться экспедиции. Первым (в 1907 г.) прибыл Стейн, за ним (в 1908 г.) — Пеллио, побывавший в Дуньхуане два раза, в дальнейшем — Ольденбург²². В результате в ряде европейских стран образовались «дуньхуанские фонды».

Китайские ученые с чрезвычайной энергией занялись изучением рукописей и ксилографов Дуньхуана и обнаружили среди них многое, до сих пор неизвестное в истории литературы своей страны. Важнейшим из этого была целая литература жанра «бяньвэнь». Два тома памятников этого жанра, изданных в современном печатном виде, являются первой крупной публикацией этих материалов²³. Совсем недавно два научных сотрудника Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР — И. С. Гуревич и Л. Н. Меньшиков — начали изучение этого рода литературы²⁴.

На основании уже имеющихся работ китайских ученых²⁵, к которым

²² См. С. Ольденбург. Пещеры тысячи будд, «Восток», 1922, кн. 1, стр. 57—66.

²³ Дуньхуан бяньвэнь цзи (Сборник бяньвэнь из Дуньхуана). Пекин, 1957, тт. 1, 2. См. также Дуньхуан бяньвэнь хуйлу (Каталог бяньвэнь из Дуньхуана).

²⁴ Первая работа в этом направлении — исследование Л. Н. Меньшикова «О жанре бяньвэнь и его истоках».

²⁵ См., например, Чжэн Чжэн-до. Чжунго вэньсюэ ши (Чжен Чжен-до. История китайской литературы). Пекин, 1957, т. 2, гл. 33.

присоединились японские²⁶, вырисовывается с достаточной ясностью, с чем тут мы имеем дело.

Весь буддийский канон, т. е. совокупность множества сутр и шастр, был еще в VIII в. переведен с санскрита и пали на китайский язык. Однако то, что именуют «буддийским писанием», содержит в себе в сущности очень многое из индийского фольклора, из огромной сокровищницы сказок, легенд, сказаний, преданий. Этот материал слился в дальнейшем с церковной легендой и преданием, возникшими в сфере самого буддизма, а в какой-то мере и послужил основой для такой легенды и предания. На этой почве возникла обширнейшая житейная литература, по своему типу многим напоминающая житейную литературу христианства. Недоступность этой литературы для неграмотных масс верующих, а также сами условия религиозной пропаганды обусловили то, что по крайней мере часть этого материала должна была излагаться устно — в форме «проповеди для мирян». Впрочем, не только для мирян. Вероятно, в средневековых буддийских монастырях происходило то же, что бывало в монастырях средневековой Европы: чтение вслух для монахов избранных мест из писания и житий. Как известно, именно таким путем создан один из жанров литературы Средневековья — «легенда». Так как задача «чтения вслух» или «проповеди для мирян» состояла в овладении вниманием слушателей, выбирались наиболее интересные в сюжетном отношении и насыщенные эмоциями места. В сущности, делалось то же, что и в религиозной живописи, где предметом изображения становились прежде всего особо впечатляющие события, необыкновенные происшествия. Соответствующий буддийский термин был передан на китайский язык словом «бянь», которое для китайцев могло иметь смысл именно «необычайного происшествия». Среди фресок, украшающих стены «Пещер тысячи будд», как называли монастырь Дуньхуана, имеется много картин именно на такие сюжеты. Они имели пояснительный текст, по-китайски — «вэнь». Так родилось слово «бяньвэнь», как обозначение такой картины с приданным ей текстом. Это же слово — со значением «рассказ о необыкновенных происшествиях», т. е. о всякого рода примечательных событиях из житий буддийских святых, подвижников и учителей, стало обозначать и устное повествование об этих событиях, «проповедь для мирян». Когда же эти события стали предметом письменного изложения, слово «бяньвэнь» стало названием определенного повествовательного жанра. Однако на пути своего превращения в особый литературный жанр «проповедь для мирян» обратилась к художественным средствам своего первоисточника — народного сказа. Особенностью этого сказа в Индии было соединение прозы и стиха: оно обеспечивало наибольшую силу воздействия на читателя. Усвоение такого приема в Китае было облегчено наличием сходного приема в предыдущей китайской литературе. Таким путем «бяньвэнь» превратилась в жанр, в котором сочетались проза, несущая на себе функции изложения повествовательного материала, как такового, и стихи, несущие функцию преподнесения того же материала в особо обработанном виде.

Очень скоро в этот чрезвычайно доходчивый для массового слушателя или читателя литературный жанр, к тому же рожденный в стихии народного творчества, со всей силой вторгся китайский фольклор, вся необъятная масса китайских легенд, сказаний, исторических преданий, ни в своем происхождении, ни в развитии никак не связанный с буддизмом²⁷. Так возникли три рода «бяньвэнь» на буддийские сюжеты, на не-буддийские, чисто китайские сюжеты, и на сюжеты, в которых элементы индийского

²⁶ Например, Umezū Tiro, Pien and Pien-wen. The Japan science review (Abstracts and reviews of dissertation), 1957, vol. 8, pp. 1—2; см. также Утида Сэнноска. Тюгоку бунгаку си (Утида Гинноска. История китайской литературы). Токио, 1956, стр. 327—330.

²⁷ Один такой памятник «У Цзы-сюй бяньвэнь» («Бяньвэнь об У Цзы-сюэ») изучается в настоящее время сотрудницей Отделения И. С. Гуревич.

фольклора, обогащенные буддийским церковным преданием, соединились с элементами китайского фольклора, обогащенного китайским историческим преданием.

Открытие «бяньвэнь» представляет собой событие очень большого значения. Оно касается прежде всего, конечно, истории китайской литературы: отныне некоторые разделы этой истории должны будут строиться и излагаться по-иному, чем до сих пор, а главное — во многом изменится общее представление о литературе китайского средневековья. Открытие «бяньвэнь», далее, позволяет поднять и более широкий вопрос — о возникновении на разных концах мира — в Западной Европе и в Китае — типологически близких, если не вполне даже однородных явлений: литературного жанра, именуемого в западной литературе «легендой», «житием». Все данные обрисовывают конкретную историческую обстановку так, что подобная типологическая близость становится вполне обоснованной. Но главное, что открывает «бяньвэнь» для темы настоящей статьи, — факт наличия связи литератур двух великих народов — Индии и Китая, — связи, до сих пор совершенно недостаточно учитываемой исследователями истории китайской литературы. Открывается новый материал и для суждения о «посреднике», «проводнике». «Посредником» здесь является не «лицо», «индивидуум», не «группа», о чем так обоснованно говорят представители западноевропейского сравнительного литературоведения, а буддизм, т. е. религиозное учение, «проводником» же — монахи, но не всякие, а именно те, которые в буддизме именуется «проповедниками для мирян». В связи с этим возникает необходимость исследования вопроса о таких «посредниках» или «проводниках» в механизме межлитературных связей, как философское направление, религиозное учение, та или иная идеология вообще.

Второй факт, также принадлежащий к открытиям последних лет, относится к вопросу о связях западноевропейской литературы раннего средневековья и литературы арабской. Материал, позволяющий по-новому осветить эти связи, содержится в работе Никла «Испано-арабская поэзия и ее связи с поэзией старых провансальских трубадуров»²⁸.

Большая часть книги Никла посвящена истории поэтического творчества испанских арабов. В этой части автор продолжает давно уже ведущееся исследование. Новое в этой работе — документально доказанное влияние испано-арабской поэзии на провансальскую поэзию XI—XIII вв. Никл раскрывает это на анализе творчества Гильома де Пуатье, Маркобрюна, Джауфре Рюделя. Он устанавливает, что в ряде случаев чрезвычайная близость поэзии первых трубадуров Прованса к поэзии испанских арабов не может быть истолкована иначе, как «подражание» или «заимствование»²⁹. Он берет правила, выработанные для определенных видов арабских стихотворений Ибн-Халдуном, и показывает, что ряд стихотворений Гильома написан по этим правилам. При этом Никл, как это считают для себя обязательным все представители современного сравнительного литературоведения на Западе, устанавливает реальные факты, делающие знакомство Гильома с этими правилами вполне правдоподобным. Так, он ссылается на участие Гильома в Крестовом походе, сопоставляет стихи, написанные Гильомом до этого, со стихами, написанными после похода, и открывает резкое различие между ними, притом такое, которое можно объяснить только тем, что Гильом во время похода хорошо узнал арабскую поэзию³⁰.

Никл очень настойчиво подчеркивает, что изображать дело так, будто бы поэзия аквитанских трубадуров вообще возникла под влиянием арабов, — было бы грубой ошибкой. Он настаивает на этом и для большей убедительности пускает в ход не только английский термин, но и немецкие:

²⁸ См. Alois Richard Nykl. Hispano-arabic poetry on its relations with the old provencal troubadours. Baltimore, 1946.

²⁹ Там же, стр. 379.

³⁰ Там же, стр. 382.

«...cannot be called „origins”, or „Ursprung”, or „Herkunft”». Провансальская поэзия возникла, по его выражению, вполне «автохтонно»; роль арабской поэзии состояла только в том, что последняя способствовала быстрому формированию и развитию первой, причем это сказалось не только на содержании, жанровых разновидностях, но даже на строфике, ритмике, даже на рифмовке³¹. Из этого факта можно, как мне кажется, сделать далеко идущие заключения.

Арабская Испания представляла собой крайний западный конец арабского Магриба — арабского Запада, т. е. той части арабских владений, которая протянулась по всему североафриканскому побережью, начиная от Египта. А по другую сторону от Египта простирался арабский Восток — Аравийский полуостров, Палестина, Ливия, Сирия, Месопотамия, ныне — Ирак. Цепь, начинавшаяся от Севильи, Кордовы и Гренады, тянулась через Каир к Дамаску и Багдаду, и повсюду на этом пространстве звучали в те времена песни арабской андалузской поэзии. Ибн-Саид, арабский историк XIII в., писал, что заждали ибн-Козмана слышались в Багдаде, пожалуй, чаще, чем даже в столицах Магриба.

Кончалась ли эта цепь Багдадом? Ведь оттуда, из этого центра, тянулись нити арабского влияния в северо-западную Индию, Иран, Среднюю Азию, в «Сиюю» — «Западный край», с точки зрения географов Китая. Указанная картина относится ко второму, или халифатскому, периоду арабской литературы, т. е. к VII—VIII вв. А в эти века в арабской поэзии расцвела любовная лирика, элегии, славословия.

Такую же поэзию мы находим и у провансальских трубадуров, и теперь знаем, что такое сходство объясняется не только типологической однородностью двух самостоятельно возникших видов поэтического творчества, однородностью, обусловленной общностью исторического содержания эпохи, но и прямыми связями этих двух потоков поэзии, связями, также созданными конкретными историческими условиями.

Поэзию такого же рода мы обнаруживаем и в Китае. Только находим мы ее не у поэтов, давно введенных в историю литературы и по достоинству оцененных, а у поэтов менее известных и еще больше — в безымянном народном творчестве. До нас дошли образцы этой поэзии — в двух сборниках — «Юэфу» и «Юй тай синь юн»³². Первый из них уже более или менее изучен китайскими литературоведами, хотя и не оценен еще в должной мере; второй же сборник до сих пор не занял подобающего места в истории китайской поэзии. В последние годы оба эти сборника изучаются Б. Б. Вахтиным, одним из китаистов, работающих в Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук³³.

В этих двух сборниках мы находим ту же любовную лирику, те же элегии, те же славословия, из которых слагается арабская и провансальская поэзия указанного времени — раннего средневековья. Только в Китае раннее средневековье было раньше, чем у арабов и провансальцев: к тому времени, как арабы и провансальцы только начинали свою историю, китайцы насчитывали в прошлом уже почти две с половиной тысячи лет исторической жизни, и «ранним средневековьем», с точки зрения общественно-исторического развития, у них был период с III по VII в. Именно к этому времени и относится большая часть стихов указанного типа.

Близкую по содержанию лирическую поэзию мы находим и в Японии VII—X вв. — в ту эпоху, которая была «ранним средневековьем» для этой страны³⁴. Черты сходства японской поэзии с китайской обуславливаются

³¹ Alois Richard Nykl. Hispano-arabic poetry on its relations with the old provincial troubadours. Baltimore, 1946, стр. 373.

³² «Юэфу» — собрание произведений народной поэзии с II в. до н. э. по VI в. н. э. «Юй тай синь юн» — собрание произведений народной и литературной поэзии приблизительно за тот же период.

³³ См. Б. Б. Вахтин. Юэфу. Из древних китайских песен. М.—Л. Гослитиздат, 1959.

³⁴ См. «Японская поэзия». Сборник. Перевод с японского. М. Гослитиздат, 1956, стр. 17—111, 481—534.

прежде всего типологической близостью — общностью социально-исторических предпосылок. Японская поэзия возникла так же «автохтонно», как и провансальская. Но подобно тому, как в истории провансальской поэзии большую роль сыграли связи ее с поэзией арабской, в истории японской лирики серьезную роль сыграло знакомство японцев с поэзией соседнего Китая. В этом отношении между рассматриваемыми двумя историческими «случаями» наблюдаются общие черты, что само по себе представляет большой интерес для сравнительно-исторического исследования; но так же отчетливо видны и черты различия. Тогда как влияние арабской поэзии на провансальскую затронуло не только содержание лирики, но и ее форму, влияние китайской поэзии совершенно не отразилось на форме японской лирики: она сохранила свою строфику, свою ритмику, свою композицию стиха; не восприняла она и рифмы. Этот факт также представляет глубокий интерес для исследователя.

Таким образом, перед нами как бы предстают две цепи: арабская и китайская. Крайнее звено арабской цепи — поэзия аквитанских трубадуров; крайнее звено китайской цепи — поэзия японских лириков. Невольно встает вопрос: а что же такое представляет собою близость арабской поэзии к китайской — проявление только лишь одной типологической общности или еще и результат каких-то конкретно-исторических связей?

В 751 г. к реке Таласс, находящейся в восточной части нынешнего Казахстана, подошли две армии — Багдадского халифата и Танской империи. Столкнулись две великие державы того времени, каждая в своем экспансионистском движении: одна — в сторону Востока, другая — в сторону Запада. Битва приостановила оба движения, и река Таласс стала границей двух различных миров.

Во всем ли различных? С точки зрения исторического процесса, обе стороны переживали полосу своего подъема — политического и культурного. Древний Китай подходил к своей эпохе Возрождения; молодая арабская держава быстро шла к расцвету своего феодального строя. Один народ успел пройти по историческому пути несколько дальше другого, но в большой исторической перспективе китайская лирическая поэзия III—VI вв., к которой так близка арабская, родилась и развилась в той же исторической обстановке, что и арабская поэзия VII—X вв. Середина VI в. — момент, когда арабский мир соприкоснулся с китайским, — была той эпохой, когда в одной стране поэзия раннего феодализма уже отцветала, в другой же только шла к расцвету, но существо и той и другой поэзии было в историко-типологическом отношении однородным. Поэтому эти два мира и не могли быть чуждыми друг другу — ни с какой стороны.

Об этом свидетельствует ряд конкретных исторических фактов. В столице Танской империи г. Чанъане в VII—VIII вв. было великое множество выходцев из Западного края, т. е. из того района, слагавшегося из частей позднейшего Восточного Туркестана, нынешней Средней Азии и Афганистана, который искони был одним из перекрестков мировой цивилизации. В древности на культуру местных народностей, саму по себе достаточно высокую, наслоились элементы культуры иранской, индийской и эллинской; с давних пор сюда стала проникать и культура китайская. В эпоху арабских завоеваний здесь стало ощущаться и культурное влияние арабов. В рассматриваемый период, т. е. в VII—X вв., арабское влияние было здесь, несомненно, значительным, и в той музыке и плясках, в тех нарядах и украшениях, предметах искусства, которые принесли с собой в Чанъань выходцы из Западного края, наличествовали не только элементы тюркской и иранской культуры, но и культуры арабской³⁵. Ведь недаром даже в далекую Японию в VIII в. проникли предметы искусства явно арабского происхождения. Проник в Китай и ислам; в самом Чанъане появились ме-

³⁵ Одна из последних китайских работ по этому вопросу — Сян Да. Тан дай Чанъань юй Сиюй вэньмин (Сян Да. Чанъань в период Тан и цивилизация Западного края). Пекин, 1957.

чети. Мусульманами были при этом не только выходцы из Западного края; принимать ислам стали и китайцы. Но мусульмане-китайцы еще до того, как узнали язык Корана, знали язык Лунъюя; до того, как стали распевать песни на арабском языке, пели их на китайском. Поэзия на Востоке всегда была связана с песней, музыкой; с другой стороны, и пляски, музыкальные номера обычно соединялись с песней. Поэтому распространение в Чанъане «западных» плясок, «западной» музыки не могло не быть вместе с тем и распространением «западной», в том числе и арабской, поэзии.

К сказанному следует добавить, что арабское влияние шло не только со стороны Западного края; мы хорошо знаем, что порты юго-восточного Китая, прежде всего Кантон, усердно посещались кораблями арабских купцов, и арабские «торговые гости» имели в Кантоне свои подворья: иначе говоря, в этих портовых торговых городах было постоянное арабское население.

В таких исторических условиях так ли уж невероятно предположить, что между двумя великими народами Средневековья были не только торговые и культурные, но и литературные связи? Причем связи не односторонние, а двусторонние. Как известно, уже в наше время, в 1933 г. на горе Муг на южном берегу Зеравшана советские археологи нашли документы не только на согдийском языке, но единичные — на арабском и китайском³⁶. Наличие согдийских документов понятно: тут была Согдиана — страна согдийцев, одной из древних иранских народностей. Из арабского документа мы узнали, что правил тогда этим районом арабский наместник, из китайского — что у китайцев были тогда свои сношения с этими местами. А район горы Муг входил в состав Западного края, согдийские же купцы были главными торговыми посредниками между тогдашними Востоком, т. е. Китаем, и Западом, т. е. странами Среднего и Ближнего Востока. Поэтому вполне допустимо, что культурный обмен был двусторонним. И если в танском Китае обнаруживаются элементы культуры «западной», в том числе и арабской, то в Средней Азии и Иране есть достаточно явные следы культуры китайской. Наличие культурных связей не подлежит сомнению; должны были быть и связи литературные. Можно почти с уверенностью сказать, что такие связи будут со временем раскрыты. И тогда перед нами предстанет картина литературной общности от Прованса до Японии. Ареал этой общности — Прованс, Иберийский полуостров, все североафриканское побережье (вероятно, включая Сицилию), Аравия, Ливан, Сирия, Иран, Ирак, северо-западная Индия, Афганистан, Средняя Азия, Восточный Туркестан, Китай, Япония. Весь этот обширный мир, заселенный самыми разными народностями — европейцами, арабами, иранцами, тюрками, китайцами, японцами, жил в условиях многообразных взаимных связей — торговых, политических, религиозных, культурных и литературных. Отдельные части этого мира многое разъединяло и сталкивало; но неужели следует обращать внимание только на то, что разъединяло и сталкивало, и забывать о том, что соединяло и сближало? Во всяком случае, для будущего, вероятно, важнее помнить именно об этом втором.

5

Таким образом, раздвинув границы изучения мировой литературы XVII—XIX вв. до пределов всего культурного мира того времени, мы сможем преодолеть пространственную ограниченность западноевропейского сравнительного литературоведения, ограниченность, отражающуюся не только на понимании подлинных масштабов и исторического существа раскрываемых литературных связей, но на полноте характеристики литературного процесса у отдельных народов. Включив в орбиту изучения и Средневековье, мы сможем преодолеть временную ограниченность совре-

³⁶ См. «Согдийский сборник». Изд-во АН СССР, Л., 1934.

менного сравнительного литературоведения, ограниченность, отражающуюся не только на построении общей истории международных литературных связей, но и на полноценности самой теории сравнительно-исторических исследований.

Включение в рамки изучения литератур Средневековья покажет, насколько важно различать литературы национальные и литературы народностей. О различии в границах — этнических, языковых и политических — по сравнению с XVII—XIX вв. и говорить не приходится. Например, этническая карта Европы в средние века иная, чем в новое время. Несомненно, возникновение современных наций подготовлялось развитием общества в средние века, но не следует забывать, что появление наций есть новая форма, новая — сравнительно с эпохой, когда человечество расчленилось на народности. Границы между народностями были иными, чем границы, впоследствии образовавшиеся между нациями: они были гораздо менее определенными, места стыков различных народностей бывали нередко расплывчатыми, не говоря уже об их общей неустойчивости. То же можно сказать о языковых границах: конфигурация языков в эпоху народностей была иная, чем в эпоху наций: иным было и соотношение языков, их границы, степень их «проницаемости». Поэтому многие произведения средневековой литературы принадлежали одновременно не одной, а нескольким народностям Европы. Эпоха XVII—XIX вв., т. е. эпоха наций, в истории литератур народов Европы характеризуется двумя противоположными тенденциями: с одной стороны, шел процесс формирования и развития национальных литератур, т. е. процесс обособления отдельных, четко выраженных по языковому и национальному признаку литератур; с другой стороны — процесс интенсивного развития международных литературных связей, т. е. процесс включения отдельных, самостоятельных литератур в некоторые общности. Для средних веков, т. е. для эпохи народностей, характерна другая картина: с одной стороны, не существует столь резко очерченных отдельных литератур; с другой стороны — на связи между ними часто большое влияние оказывают расплывчатость этнических и языковых границ, подвижность этих границ, большая степень языковой проницаемости.

Необходимо учитывать также существование в эпоху народностей международных литературных языков. Такими языками — для разных ареалов — были: санскрит, греческий, латинский, книжный древнеславянский, классический литературный китайский, персидский, арабский. Знание соответствующего языка или даже нескольких было в то время необходимой принадлежностью образования, почему такой язык становился языком многих произведений литератур разных народностей. Наличие таких произведений дифференцировало литературу отдельной народности, так как наряду с произведениями на международных языках у каждой народности существовали произведения и на своем народно-разговорном языке. Но вместе с тем произведения на международных языках соединяли народности друг с другом, служили основой для образования больших литературных общностей. Существование таких общностей — одно из характернейших явлений истории мировой литературы эпохи народностей. Но эти общности по своей природе и структуре совершенно иные, чем общности в мире литератур эпохи наций.

Необходимо, наконец, во всей полноте учитывать факт различия самих форм существования литературы в разные исторические периоды. Для эпохи наций обычная форма существования литературы — письменная; в эпоху народностей — многое в литературе существует в форме устной. И это — вовсе не только в области фольклора, специально устного народно-поэтического творчества. Как показывает приведенный выше пример с «Бяньвэнь», этот литературный жанр сложился именно путем устного творчества, и, даже будучи записанными, те же «Бяньвэнь» продолжали существовать в устной форме, в передаче рассказчиков. Такое же явление

мы наблюдаем в Китае и в других отраслях литературы. Основой для этого служило то обстоятельство, что произведение в записанном виде было недоступным для огромного большинства китайского народа; поэтому даже «написанные» произведения существовали для китайского народа и в форме устного рассказа. А кроме того, такая форма существования литературного произведения открывала огромный простор для литературной инициативы рассказчиков, для их творческого участия в бытовании и дальнейшем развитии данного произведения. Поэтому-то так трудно во многих случаях говорить об «авторах» произведений.

Если учесть, что на то, как рассказывалось данное произведение, прямое влияние оказывали интересы и вкусы слушателей, т. е. народной массы, не будет преувеличением сказать, что очень многие повествовательные произведения китайской средневековой литературы являются народными даже в смысле авторства.

Таковы те положения, которые, на мой взгляд, должны быть введены в общую теорию современного литературоведения для того, чтобы оно могло дать действительно новые для науки о литературе результаты.
